

— Ах, — произнёс опрятно выглядящий уроженец Атласа, сидевший за стойкой администратора. Накинутый поверх дорогой ткани пурпурный халат заставил меня сначала принять его за сутенёра. — Руби Роуз, группа крови первая отрицательная, зарегистрирована в качестве донора органов. Чем могу помочь?

— Здорово, — махаю ему трясущейся рукой, моя вторая рука была обвита вокруг крохотных плеч Руби. По пути сюда мы всё-таки оделись поприличнее, добавив к гардеробу обувь, майку и спортивные штаны. — Я тут тоже, вообще-то, стою.

Парень был со мной примерно одного возраста. Его светло-русые волосы имели насыщенный, юношеский цвет. Он тоже был студентом? Я в курсе, что в академии полно работающих студентов, но в кабинете врача и в подобный час?

— Да, я заметил, — ответил он. — Жон Арк, вторая положительная группа крови, потенциальный невольный донор органов. Ваш приём назначен на завтра, и не здесь. Кабинет терапевта находится дальше по коридору. Признаться честно, не ожидал, что вы придёте так рано.

Хмурюсь на его слова.

— Как скажешь, мистер Мне-плевать-на-врачебную-тайну.

— Меня зовут Олеандр, и не знаю, о каких тайнах вы говорите, я довольно открытый человек, — он положил руки на книгу, которую читал до нашего появления.

— И почему все мальчики в этой школе ведут себя как мерзкие извращенцы? — задалась вопросом Руби.

Олеандр пожал плечами.

— Я предпочитаю думать о себе, как, хорошо знающий своих товарищей студент.

Она сдавленно вздохнула.

— Мы пришли к доктору, у него разошлись швы, — она указала жестом на свою грудь, а затем после паузы добавила. — А ещё он весь трясётся и потеет, и всё это капает на меня, и мне очень противно.

Он нахмурился, словно наличие у нас действительно уважительной причины прийти сюда, испортило его день.

— Как я понимаю, вы хотите увидеть Крокера, учитывая, что медсёстры подали на вас

коллективный иск? — спросил он.

Руби кинула на меня косой взгляд.

— Просто дайте мне где-нибудь упасть, и я сам себя заштопаю.

— Он сейчас спит, так вам придётся подождать, пока я не разбужу его.

— Мы подождём, — быстро выпалила Руби, словно готовая к подобному ответу. Или скорее, даже надеясь на него. — Попросим выдать нам записку. Учитель поймёт, если мы опоздаем на урок, или даже полностью пропустим его. Это намного важнее.

— Руби, — медленно произнёс я. — Кто у нас ведёт первый урок?

— Профессор Порт, — ответила она, а затем подозрительно на меня покосилась. — А что?

Ага. Теперь её неожиданный приступ альтруизма приобрёл смысл. Стоило отдать ей должное, схему она выстроила замурённую.

Олеандр всё это время продолжал на нас молча смотреть. У меня сложилось впечатление, что он пытается нас запугать. Что ж, парень, у тебя нифига не получится! Руби, если ты так хотела прогулять урок, то могла просто прямо об этом сказать.

— Иди за доктором, — говорю я. — Мы подождём.

— Девочка может идти обратно на урок. Сейчас найду вам место, где можно присесть, — он начал вставать, говоря всё это таким тоном, будто делал мне огромное одолжение, а не выполнял свою сраную работу.

Качаю головой.

— Не-а, она - мой запасной вариант на выпускной. За этими неверными бабами глаз да глаз нужен, так что я её не отпущу.

Руби поморщилась.

— Он также сильно ударился головой, так что без моей помощи вряд ли найдёт дорогу назад.

— Я склонен поверить вашим словам, — ответил Олеандр.

— Чьим именно? — слегка отчаянно спросила она. — Потому что мы не встречаемся. Я не могу так запятнать свою репутацию!

— Ну, спасибо, Руби, — произношу я. — Очень мило с твоей стороны.

Она показала мне язык.

Олеандр не стал развивать тему дальше, вместо этого проведя нас в соседнюю комнату. Я занял место на экзаменационном столе, или как он там правильно называется, безучастно начав разглядывать плакаты, изображающие всякие распространённые спортивные травмы и рассказывающие о вреде курения.

— Мы совершенно точно не встречаемся! — продолжала настаивать Руби, когда парень отправился за врачом, оставляя нас одних.

Она развернулась на месте и ткнула в меня пальцем.

— Мы НЕ встречаемся!

Ложусь на стол.

— Мой ментальный возраст находится где-то между семнадцатью и двадцатью пятью. Даже просто предполагать подобное – морально неправильно. Ты не в моём вкусе, девочка.

Судя по её резко изменившемуся выражению, это был категорически неправильный ответ. Ох уж это сезонное обострение.

— Но я же само воплощение милоты! — запротестовала она. — Мне сестра так сказала. Милее меня только Кресент Роуз, и то только потому, что 50-й калибр в этом году – пик моды.

— Что за Кресент Роуз?

— Мы вместе ходим на уроки боя. Я постоянно про неё упоминаю, одному только тебе произносила её имя целый миллиард раз! Ты хочешь сказать, что парень, не расстающийся со своим оружием буквально ни на секунду, не смог запомнить имя моего оружия?

Оглядываю себя. Мой чудной мече-щит до сих пор был пристёгнут к моей руке, а мой совершенно точно не украденный револьвер, Поцелуйчик, покоился в кобуре на поясе.

— И все эти миллиард раз я тебя не слушал, — говорю я. — Да и к тому же, люди, которые дают своему оружию имя – психопаты.

— Нет! — гневно выкрикнула она, скрестив руки и надувшись. — Я дала своему оружию имя, и из нас двоих я единственная, кто не ходит на терапию. Готова поспорить, тебя туда отправили, потому что ты ненормальный чудак!

Какой же ты мудила, Олеандр, со своим наплевательским отношением к врачебной тайне.

— Я люблю Кресент Роуз, а она любит меня в ответ, и я, в отличие от тебя, нормальная!

— Давать имена своим секс-игрушкам – это уже край.

Она подавила рвотный позыв.

— Фи!

Снова приподнимаюсь. Лежащая на столе бумага прилипла к моей потной спине.

— Продолжишь так говорить, и я насильно скормлю тебе брокколи! Не-не-не, даже не так, я тайно проберусь в твою комнату, найду твою заначку с булочками и заменю их начинку на брокколи! Ты будешь их кусать, и твой рот станет наполняться полезными макроэлементами!

Руби в ужасе ахнула. Она на мгновение превратилась в облако роз, а затем снова появилась в дальнем углу комнаты.

— Ты не посмеешь!

— И самое главное – я подменю не все твои булочки, — вскакиваю на ноги, чувствуя тянущее чувство в груди. — Лишь некоторые. Ты будешь жить в постоянном страхе, никогда не зная, что повлечет за собой следующий укус!

— Прекрати, прекрати! — закричала она. Казалось, девушка вот-вот начнёт задыхаться.

И именно в этот момент дверь открылась и в комнату вошёл крупно сложенный доктор. Он был немного ниже Озпина, но при этом намного шире его в плечах. Примерно на пару сантиметров выше меня, он носил то, что выглядело как медицинский халат поверх чего-то чёрного.

Первым делом его тёмно-синие глаза уставились на Руби. Его взгляд задержался дольше необходимого, словно тот увидел призрака, пока он, наконец, не перевёл внимание на меня. Я уже был готов кричать, что всё не так, как выглядит, но вместо этого его лицо приняло усталое и скучающее выражение. Заметная перемена, по сравнению с тем, как доктор выглядел буквально минуту назад.

— Ладно, паренёк, — сказал он мне тоном человека, который опустил руки несколько десятилетий назад и теперь просто продолжает жить по инерции. — Перед тем как мы перейдём к основному действию, сначала нам нужно провести несколько тестов. И начнём мы с обязательного экзамена простаты.

Руби сидела в кресле напротив меня, свернувшись в позе эмбриона. Одной рукой она обнимала свои колени, а другой свирепо прижимала к себе свой призм.

Доктор, Крокер полушутливо предложил ей миску со сладостями, которые врачи обычно дают детям за прохождение осмотра, в качестве компенсации за необходимость сидеть здесь. Когда девочка спросила, как много она может взять, мужчина просто пожал плечами.

Она забрала себе всю миску.

Всякий раз, когда я смотрел на неё и её гору сладостей, мне казалось, что она вот-вот покажет мне средний палец, пока доктор не видит. Я мог видеть это в её серебряных глазах.

— Твоя мать, — обратился он к ней, просматривая мои документы, записи или что бы это ни было. Руби оживилась. — У неё ведь были такие же глаза, как у тебя?

Руби быстро кивнула, хотя вид у неё был не очень счастливый.

— Ага. Она тоже раньше училась в Биконе. Вы, эм, знакомы с ней?

Доктор ответил не сразу, но через пару секунд всё же кивнул.

— Саммер Роуз, верно?

На её губах появилась улыбка, хотя от меня не укрылось, как она слегка вздрогнула при этих словах.

— Как я поняла, вы тоже здесь учились, верно?

— Я всю жизнь был врачом, — пробормотал он. По какой-то причине я ему не поверил, по крайней мере, не полностью, не уверен, правда, почему.

— Ооо! А вы когда-нибудь лечили её, док?

Здоровяк пожал плечами. Говоря откровенно, этот мужик выглядел слишком молодо, чтобы

его история сходилась. По моим прикидкам, ему было не больше тридцати. Если Руби сейчас пятнадцать, то её мать училась здесь где-то шестнадцать-двадцать лет назад. Даже если предположить, что ему на самом деле под сорок, то он все равно был не сильно старше мамы Руби. Не мог он быть школьным врачом в то время.

Аргх. Мысли. Вот ради этого я и пью, чтобы избавиться от них. Из-за них я начинаю анализировать окружение.

— Да, ваша правда. Мама была лучшей из лучших. Уверена, что её никогда не ранили. Наверняка вы просто услышали о ней из всех тех слухов о её непревзойдённой крутости.

Прочищаю горло.

— Эм, алло. Я, как бы, всё ещё тут.

Крокер вздохнул, убирая стетоскоп с моей груди. Его дыхание пахло смесью кофе и невероятно соблазнительным ароматом сигарет.

— Да-да, попридержи гиппогрифов, паренёк. Говоря начистоту, эта девочка, скорее всего, только что спасла тебе жизнь. Твой пульс и давление просто ужасны. Синдром алкогольной отмены – опасная штука.

— Я пришёл сюда из-за раны на груди, а не для того, чтобы выслушивать очередную лекцию об ошибочности моего жизненного пути.

Мужчина молча посмотрел на меня. Мне не нравился его взгляд. Он слишком напоминал мне одного моего больного на голову сержанта по базовой подготовке, солдата пехоты, который всегда носил солнцезащитные очки, чтобы скрыть свои глаза. Когда он их снимал, в них можно было увидеть сломленного человека, на плечах которого висело двухзначное число трупов. Он рассказывал нам, как стрелял в детей и убивал мирных жителей, чтобы защитить своих единственных братьев, пусть и названных. Особенно сильно этот взгляд проявлялся, когда тот говорил про мать Руби.

— Обильное потоотделение, дрожь, тошнота, — продолжил он, пропустив мои слова мимо ушей. — Галлюцинации были?

— Не чаще, чем обычно, док.

Он кивнул.

— Похоже на лёгкую форму абстиненции. Достаточно серьёзно, чтобы поставить тебя под наблюдение на это утро, а может даже на весь день. Есть пара простых процедур, которые могут помочь ослабить симптомы, но в основном тебе остаётся только терпеть. Мне просто

нужно убедиться, что у тебя не начнутся судороги.

— А с раной-то что?

Крокер протянул мне бумажный планшет.

— Здесь написано, что мне нельзя выдавать тебе никаких обезболивающих и избегать применения анестетиков. Да и подозреваю, что применение этих препаратов с твоим нынешним состоянием может привести к летальному исходу.

— Я и без них обойдусь. Мне охренеть как больно дышать, у меня сломана кисть, и я едва могу смеяться или говорить, без риска открыть рану на груди. Просто сделайте, что вам нужно и всё.

Доктор совершенно не впечатлился моей речью. Он лишь бросил взгляд на Руби, которая поглощала уже четвёртый леденец.

— Ты пытаешься её впечатлить или что? Эй, девочка, ты впечатлилась его невероятной мужественностью?

Руби коротко рассмеялась.

— Не-а.

Он развёл плечами в стиле: «Ну, вот видишь».

Качаю головой.

— Я натурально помираю тут. Мне плевать как на неё, так и на её сомнительный навык скоростного уничтожения леденцов. Мне плевать, что вам запретили давать мне анестезию. Просто помогите мне, пожалуйста.

Крокер ещё раз окинул меня оценивающим взглядом.

— Эй, девочка в пижаме. Доставай свиток. Хочешь запечатлеть на видео, как рослый парень визжит как сучка?

— А мне разрешат пропустить сегодняшние занятия? — уточнила она самую волнующую её вещь.

— Если видео будет снято качественно, то я напишу записку, освобождающую тебя от уроков

на весь день.

Держа леденец во рту, Руби вскочила на ноги и достала свиток.

— Договорились, док!

Затем я погрузился в ад.

<http://tl.rulate.ru/book/110495/4264559>